

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 548-566
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.548

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Strategy of the Russian Empire's Expansion: the Case of the Irtysh Military Line

Yerzhan M. Toraygyrov^a, Bibigul S. Abenova^{a, *}, Daulet K. Abenov^b

^a Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article offers a comprehensive analysis of the Russian Empire's territorial expansion strategy in the 18th century, using the formation of the Irtysh military line as a case study. The construction of this defensive system took place within a complex geopolitical context that included conflict with the Dzungar khanate, the development of trade relations with Central Asian states, and the gradual integration of the Kazakh steppe into the Russian sphere of influence. The study focuses on the preconditions for the creation of the line, its key stages of development, and its strategic significance in consolidating imperial presence in the Irtysh region.

Particular attention is paid to Russia's military and administrative policies in the frontier zones, the practice of building fortifications, and the specific nature of interactions between Kazakh clans and Cossack communities, whose role in the colonial process was both complex and often contradictory. The article examines how the system of fortified lines contributed to the advancement of Russian borders, the entrenchment of imperial authority, and the transformation of the local landscape.

The relevance of this study lies in the need to understand the strategic and long-term consequences of Russian expansion into Northeastern Kazakhstan. Although the military history of the region has been the subject of extensive research, the history of the Irtysh Military Line remains insufficiently explored. Analyzing this phenomenon provides deeper insight into the features of Russian colonial policy in the 18th century and its enduring impact on regional development.

The study draws on a wide range of sources, including archival materials and the works of Russian and Kazakhstani scholars. This comprehensive approach allows for a nuanced understanding of the Irtysh Line's role within the broader context of imperial frontier policy.

Keywords: Siberian lines, Irtysh line, Cossacks, Irtysh region, Middle Zhuz, Kazakh-Russian relations, colonization.

1. Введение

Процесс территориального расширения Российской империи в XVIII веке был неразрывно связан с укреплением её позиций в Центральной Азии. Одним из ключевых направлений этой политики стало создание Иртышской военной линии – системы укреплений, сыгравшей важную роль в обеспечении контроля над Прииртышьем и встраивании региона в административно-хозяйственную систему империи. Формирование военной линии происходило в контексте сложной геополитической обстановки, включавшей противостояние России с Джунгарским ханством, развитие торговых отношений со среднеазиатскими странами и постепенное вовлечение казахских степей в сферу российского влияния. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления стратегических последствий расширения Российской империи в Северо-Восточном

* Corresponding author

E-mail addresses: toranet2013@gmail.com (Y.M. Toraygyrov), bibigul_aben@mail.ru (B.S. Abenova), aben_60@mail.ru (D.K. Abenov)

Казахстане. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых военной истории региона, некоторые вопросы истории Иртышской военной линии остаются недостаточно изученными. Исследование данного процесса позволяет не только проследить особенности российской колониальной политики, но и определить в перспективе её долгосрочные последствия для развития региона. Цель работы – проанализировать процесс создания Иртышской военной линии, определить её ключевые этапы, роль в российской стратегии освоения приграничных территорий.

2. Материалы и методы

Исследование основано на опубликованных исторических источниках и архивных материалах, отражающих процесс создания и функционирования Иртышской военной линии в XVIII веке. В работе использованы сведения из трудов российских и казахстанских историков, а также документальные сборники, содержащие описания военных кампаний, административных реформ и экономической политики Российской империи в Прииртышье.

Основную источниковую базу составляют труды Г.Ф. Миллера ([Миллер, 1750](#); [Миллер, 1760](#)), содержащие сведения о колонизации Сибири и строительстве укрепленных линий. Важные данные представлены в исследованиях А. Максакова ([Максаков, 1890](#)), посвящённых стратегии продвижения России в Туркестан, и А.А. Преображенского ([Преображенский, 1972](#)), анализирующего военно-политическую ситуацию на Урале и в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII века. Также в работе использованы материалы В.К. Андриевича ([Андриевич, 1889](#)) и С.В. Жуковского ([Жуковский, 1915](#)), содержащие сведения о российской политике в Центральной Азии, и документы, представленные в географическом описании Киргизского края ([Россия, 1903](#)).

Историко-картографический анализ осуществлён с привлечением «Атласа крепостей Российской империи» ([Атлас крепостей, 1837](#)), трудов Ф.Ф. Ласковского ([Ласковский, 1865](#); [Ласковский, 1866](#)) и «Военной энциклопедии» ([Военная энциклопедия, 1913](#)), отражающих планы и схемы укреплений.

Особую исследовательскую ценность представляют материалы, хранящиеся в фондах Исторического архива Омской области (ИАОО) (Омск, Российская Федерация), прежде всего фонды 1, 67 и 366. Каждый из них содержит важные источники, позволяющие всесторонне осветить политическую и социально-экономическую ситуацию в Прииртышье в XVIII – начале XIX века.

Документы фонда 1 отражают этапы освоения Иртышской линии сибирскими казаками, строительство укрепленных рубежей, а также описывают многочисленные вооружённые конфликты между казаками и казакскими властями. Особое внимание уделяется мерам, предпринимавшимся российскими властями для защиты приграничных территорий, а также действиям казахских родоправителей, направленным на восстановление контроля над землями по левому берегу Иртыша.

Фонд 366 содержит комплекс документов, посвящённых экспедиции И. Д. Бухгольца. Эти материалы представляют собой важное свидетельство о первых этапах военной и административной экспансии в регионе и отличаются высокой степенью детализации.

Существенный интерес представляет и фонд 67. В нём собраны распоряжения сибирских властей, касающиеся запрета на возведение жилых и хозяйственных построек на территории Прииртышья, что свидетельствует о стремлении властей ограничить казахское присутствие в этом регионе. Кроме того, в документах зафиксированы меры по урегулированию торговых связей между казахским и русским населением, а также стремление казахской знати организовать торговлю на левом берегу Иртыша. Фонд содержит не только обширный статистический материал, но и отражает взгляды представителей военной администрации на способы закрепления в регионе.

Дополнительные сведения о политике Российской империи в Прииртышье можно найти в архивных фондах Оренбургской области (например, фонды Объединённого государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация)). В частности, фонд 3 включает указы, распоряжения губернаторов и бригадиров Сибирских линий, в которых рассматриваются вопросы усиления военных гарнизонов, укрепления фортификационных объектов и расширения охраны приграничной зоны.

Особое значение имеет фонд 248 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) (Москва, Российская Федерация), где содержатся документы, точно фиксирующие дату основания Усть-Каменогорской крепости. Эти материалы позволяют опровергнуть альтернативные версии, представленные в историографии.

Методологическая основа исследования базируется на историко-хронологическом подходе, позволяющем проследить процесс военной и административной интеграции Прииртышья в Российскую империю. Применён аналитический метод для систематизации данных и выявления ключевых закономерностей в политике Российской империи. Источниковедческий метод использован для критического анализа документальных свидетельств, их сопоставления и оценки достоверности. Структура изложения основана на хронологическом принципе, что позволяет реконструировать основные этапы создания Иртышской военной линии, определить её стратегическое значение и влияние на политическую ситуацию в регионе.

3. Обсуждение

Строительство Иртышской военной линии являлось частью широкой стратегии Российской империи по укреплению своего влияния в степных районах Центральной Азии. Вопросы российской экспансии и военного освоения региона активно обсуждаются в историографии, начиная с XVIII века. Первые сведения о продвижении России в Прииртышье зафиксированы в трудах Г.Ф. Миллера ([Миллер, 1750](#); [Миллер, 2005](#)), который подробно описал первые военные экспедиции, строительство укреплений и взаимодействие с местным населением.

Во второй половине XIX века Ю. Гагемейстер ([Гагемейстер, 1854](#)), Г. Потанин ([Потанин, 1884](#)), Ф. Усов ([Усов, 1879](#)) представили обзор российской политики в Сибири и сопредельных территориях, связав её с более ранними процессами колонизации Сибири и созданием укрепленных линий. Важный вклад в изучение колонизации Прииртышья внес Г. Катанаев ([Катанаев, 1904](#)), изучавший военные аспекты продвижения казачества в регион и последствия этого процесса для местного населения.

В советский период тема освоения Иртышского края рассматривалась преимущественно в рамках концепции прогрессивного влияния России на кочевые народы. В работах Н.Г. Аполловой ([Аполлова, 1976](#)) и Ж.К. Касымбаева ([Касымбаев, 1986](#)) анализируется социально-экономическая трансформация региона в результате российской политики, в том числе военная колонизация, переселенческое движение и развитие торговли.

В постсоветской историографии подходы к изучению Иртышской линии стали более многогранными. Исследователи рассматривают этот процесс не только в контексте российской политики, но и с точки зрения интересов казахского общества. В частности, анализ стратегического значения укреплений и их влияния на миграционные процессы представлен в работах С. Муратовой ([Муратова, 2013](#)), Г. Ксенжик ([Ксенжик, 2013](#)) и других.

Историко-картографические аспекты строительства укреплений подробно освещены в работе Ф.Ф. Ласковского ([Ласковский, 1865](#)). Исследование позволяет проследить этапы формирования линии, определить изменения в фортификационной политике России и уточнить роль отдельных крепостей в системе приграничного контроля.

В целом, исследователи проделали значительную работу по изучению Иртышской военной линии, однако ряд аспектов остаётся недостаточно изученным. Введение в научный оборот новых архивных данных и пересмотр традиционных оценок позволяют говорить о необходимости дальнейшего анализа влияния военных укреплений на казахское общество, хозяйственные изменения в регионе и динамику российско-казахских отношений в XVIII веке.

4. Результаты

В XVIII веке российская политика в отношении Казахского ханства приобрела системный и целенаправленный характер, что было обусловлено стратегическими интересами Российской империи в регионе. Особую роль в процессе территориальной экспансии сыграло создание Иртышской военной линии, которая обеспечивала контроль над ключевыми коммуникационными маршрутами и способствовала милитаризации приграничных зон.

Вплоть до XVIII века казачьи формирования, в частности Уральское (Яицкое) войско, оставались относительно независимыми, однако с началом реформ Петра I российское правительство активно интегрировало казачество в военную систему государства. Этот процесс сопровождался трансформацией казаков из полунезависимого сословия в служилое население, что усиливало военные возможности империи в юго-восточном направлении ([Абылхожин и др., 1998: 145-146](#)).

Концепция так называемой «Восточной политики» предполагала поэтапное включение казахских территорий в состав России посредством военного давления, дипломатических механизмов и экономического влияния. Важнейшим инструментом реализации этой стратегии стало строительство укрепленных линий, которые позволяли контролировать продвижение войск и обеспечивали базу для дальнейшего освоения территории. Однако доминирование России в военно-экономическом отношении не исключало необходимости использования дополнительных методов колонизации ([Максаков, 1890: 65](#)).

Военное присутствие дополнялось активным заселением окраин империи, что происходило в два этапа: первоначально – посредством военной колонизации, связанной с созданием системы укреплений, а затем – посредством крестьянской миграции. В этот период на южные и восточные окраины переселялись различные категории населения, включая крестьян, старообрядцев, осужденных и иные социальные группы, что способствовало демографическому изменению региона. Значительные людские потоки направлялись в районы южного Урала, Барабинской степи и верховьев Иртыша, что вело к постепенной интеграции данных территорий в административную и экономическую систему Российской империи.

Динамика колонизации зависела от природных и экономических факторов. В частности, Иртышский край и Алтай привлекали внимание благодаря природным ресурсам, что обусловило активное вмешательство центральных властей в процесс освоения этих территорий. Российское правительство рассматривало казахские земли не только как стратегический рубеж на границе с Центральной Азией, но и как перспективный регион для последующей хозяйственной эксплуатации.

Точная дата появления русских на территории Ишимо–Иртышского края остаётся неопределённой, однако можно утверждать, что первоначальное освоение региона происходило посредством нерегулярных проникновений промысловых людей, занимавшихся охотой на пушного зверя, а также отдельных групп, действовавших с целью грабежа местного населения. Эти разрозненные группы не имели чёткой организации и не представляли собой реальной силы для долговременной колонизации. Однако ситуация изменилась во второй половине XVI века, когда после установления власти Кучума на данных территориях русские военные отряды начали систематическое продвижение в регион.

В 1580-х годах вслед за Ермаком на Иртыш прибыли первые организованные русские военные формирования, целью которых было включение местных народов в состав России и установление военного контроля над регионом (Россия, 1903: 148). Несмотря на сопротивление Кучума и его сторонников, русские отряды продолжали закрепляться в регионе, постепенно расширяя своё присутствие.

В феврале 1586 года был издан наказ русского царя Фёдора Иоанновича, в котором Сибирь, будучи приграничным с казахскими землями государством, упоминалась как «искони вечной вотчины государей наших», впервые присоединённая ещё при царе Иване III. При этом в наказе указаны примерные границы распространения русского влияния, в том числе фигурирует и Иртыш, о чём свидетельствует следующий текст наказа: «на Сибирское царство и на Конду Большую, и Конду Меньшую, и на Туру реку, и на Иртыш–реку, и на Иргизское государство, и на Пегие колмаки, и на Обь великую реку, и на все городки на обские на девяносто и на четыре города с году на год имати на государя по пять тысяч сороков соболей, по десять тысяч лисиц чёрных, да по пятьсот тысяч белки¹ большие, сибирские и илецкие» (Преображенский, 1972: 49).

В этот период русское правительство осознало необходимость создания опорных пунктов, что привело к основанию Тюмени (1586), Тобольска (1587) и завоеванию Барабинской степи (Копылов и др., 1961: 3). В 1594 году был основан город Тара, ставший стратегическим форпостом продвижения русских сил на Иртыше (Миллер, 1750: 280). В результате ряда военных кампаний Кучум потерпел поражение и был вынужден отступить на юг, где впоследствии погиб (Россия, 1903: 149).

Строительство укрепленных пунктов способствовало установлению контроля над приграничными территориями и обеспечению безопасности торговых маршрутов, в частности, караванных путей бухарских купцов. В дальнейшем продвижение русских продолжилось на восток, а Тарский острог стал связующим звеном между Тобольском и Томском, играя важную роль в административном управлении Барабинской степью (Касымбаев, 1986: 14). В начале XVII века процесс колонизации продолжился: в 1604 году татарский князь Таян добровольно выразил желание перейти в русское подданство, что привело к основанию Томска на его землях (Миллер, 1750: 393). Это событие ускорило процесс включения новых территорий в состав России и способствовало дальнейшему укреплению её позиций в Сибири (Касымбаев, 1986: 15).

Во второй половине XVII века российское правительство приступило к активному освоению территории Верхнего Иртыша, что было обусловлено стратегическими и экономическими интересами империи. Важной задачей являлось развитие меновой торговли с казахскими племенами и создание перевалочных пунктов для расширения так называемой «азиатской торговли», привлекавшей внимание российских властей, купечества и предпринимателей.

Одним из факторов, способствовавших проникновению русских в казахский Средний жуз, стала добыча соли из Ямышевского озера. Первые упоминания о наличии соляных озёр в этом районе встречаются в документах конца XVI века, в частности, в наказе 1594 года о строительстве города Тары, где указывалось: «...взять на расход разным людям 70 пудов соли, к этому прибавку послать из нового города на Таре на озеро Ямыш и велети соли привезти на стругах» (Миллер, 1750: 280). На начальном этапе торговля солью оставалась свободной, а её добычей занимались преимущественно жители Тары и представители казахских родов. Однако к началу XVII века российская администрация активизировала контроль над добычей природных ресурсов, направляя вооружённые отряды казаков для организации промыслов и транспортировки соли в крупные города Западной Сибири.

Освоение Ямышевского озера встретило сопротивление со стороны джунгар, которые ещё в 1610 году установили контроль над степными территориями Среднего жуза и части Алтая и ограничили доступ русских торговых и военных отрядов в регион. В ответ на это с 1613 года российские власти начали организовывать регулярные экспедиции для добычи соли, направляя значительные военные формирования, состоявшие из казаков и служилых людей. В том же году крупный отряд под командованием атамана Барташа Станиславова достиг Ямышевского озера, обеспечив транспортировку соли в Тару.

В 1618 году российское правительство направило к верховьям Ишима экспедицию во главе с Л.В. Воронцовым, целью которой была не только добыча соли, но и борьба с группировками потомков Кучума, поддерживавшими контакты с Джунгарией. Интерес к ресурсам региона значительно возрос после экспедиции 1624 года, когда тобольский атаман Гроза Иванов, совместно с

¹ Илецкая белка – это ясак (налог) татар из Илецкого леса (Илет Карагая).

боярским сыном Дмитрием Черкасовым, привёз в Тобольск образцы алебаstra, ошибочно принятые за слюду. В связи с этим было принято решение провести детальное исследование месторождений и определить перспективные районы для строительства укреплений, однако из-за присутствия значительных джунгарских сил планы возведения форпостов были временно отложены.

Военное противостояние русских промысловых отрядов с джунгарами продолжалось на протяжении XVII века. В 1634 году крупное джунгарское войско численностью до 7 тысяч человек атаковало русские соляные экспедиции, вынудив их отступить. Поддержка джунгар со стороны потомков Кучума способствовала эскалации конфликта, однако эти обстоятельства не остановили процесс постепенной интеграции региона в орбиту российской политики. Несмотря на военные угрозы, российское правительство стремилось избегать масштабных вооружённых столкновений, отдавая предпочтение дипломатическим методам урегулирования конфликта, что соответствовало внутренней политической ситуации в России во второй половине XVII века. В этот период государство столкнулось с масштабными антифеодальными выступлениями, включая восстание 1670–1671 годов, а также с неудачными Крымскими походами 1678 и 1689 годов, что ограничивало его возможности по укреплению южных рубежей (Касымбаев, 1986: 17).

Ситуация в казахских степях также оказывала влияние на российскую политику в регионе. Динамика взаимоотношений зависела от соотношения сил между джунгарами, казахскими ханами и другими государственными образованиями Центральной Азии. В 1691 году российское правительство направило в Джунгарию дипломатическую миссию во главе с боярским сыном Матвеем Юдиным, задачей которой было достижение соглашения о свободном пользовании ресурсами Ямышевского озера и прекращении принудительного взыскания ясака джунгарами с народов, находившихся под протекторатом России.

Следующим важным фактором продвижения русских в глубь степей стал интерес к золоту. Торговцы, члены посольств и путешественники, возвращаясь из Сибири, приносили сведения об «азиатских странах» за Иртышом. Россия вела тяжёлую войну со Швецией, что усиливало потребность в природных ресурсах, особенно в золоте. В это время распространялись рассказы о «золотых россыпях» в городе «Еркети» (Яркенд).

Экономический подъём России способствовал расширению торговых связей, в том числе с Востоком. Пётр I стремился наладить экономические связи с Азией, включая Индию, учитывая при этом успешный опыт Португалии, Голландии, Англии, поэтому особое значение в этом плане придавал казахской «орде» (Тарле, 1994: 169).

В 1708 году губернатором Сибири назначен М.П. Гагарин, который был осведомлен о восточных странах, имел связи с печатным двором Москвы и руководил Сибирским приказом.

По мнению Г. Е. Катанаева, М.П. Гагарин был новатором в восточной политике: «Он прозревал в равнинах Степного края не только сухие степи, но и путь к благодатному югу со сказочным Китаем, Бухарой, Индией» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 1). Отметим, что река Иртыш, по представлениям тех времён, протекала не только через Джунгарию с её золотоносными горными потоками, но и до самой Индии. В то же время в Сибири активно распространялась информация о Китае и Бухаре, которую привозили путешественники и торговцы из своих поездок в эти регионы, что способствовало возрастанию интереса к торговым связям с Востоком. М.П. Гагарин стремился завладеть Ямышевским озером и проникнуть к золоту Яркенда. Он писал Петру I, что «под городком Эркети на реке Дарье промышляют песочное золото». Однако на самом деле Яркенд находился не на Дарье, а на реке Яркенд (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 1). Позднее Г. Ф. Миллер, посвятивший отдельное исследование песочному золоту утверждал, что образцы яркендского золота были переданы в Кунсткамеру (Миллер, 1760: 9).

М.П. Гагарин продолжал настойчиво убеждать царя построить крепости вдоль Иртыша, но не учитывал, что эти земли контролировал джунгарский хунтайджи Цеван-Рабтан, усиливший свои позиции и не намеренный уступать влияние (Касымбаев, 1986: 19).

В 1712–1713 годах, когда М.П. Гагарин находился в Москве и Петербурге, занимаясь строительством Вышневолоцкой системы (водный путь), Пётр I получил донос от агента Салтыкова, в котором предлагалось строить крепости вверх по Иртышу и Сырдарье, продвигаясь к соседним государствам и к Индии. В письме указывалось, что в этих землях имеются «медь, железо, пряные зелья некоторые, виноград, лимоны, апельсины, шолка, бумага хлопчатника, китайки, пестряды...» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 2). Хотя царь не оставил резолюции по этому вопросу, возможно, обсуждал его с М.П. Гагариным.

В 1713 году, после возвращения в Тобольск, князь М.П. Гагарин отправил двух разведчиков в Джунгарию. Первым стал тарский казак Иван Чередов, которому было поручено встретиться с хунтайджи Цеван-Рабтаном и оценить текущую ситуацию в Джунгарии, включая её военные действия против Китая и Казахского ханства. Второй разведчик, Федор Трушников, был направлен в Восточную Бухарию, чтобы собрать информацию о песочном золоте, добываемом в районе Яркенда, и выяснить возможность его захвата. Оба разведчика получили инструкции. Ивану Чередову было поручено установить, каким образом Джунгария ведёт военные действия и с каким успехом. Официальным поводом для его поездки стало письмо от губернатора Сибирского царства к хунтайджи, в котором указывалось на необходимость урегулирования пограничных вопросов и

выяснения причин конфликтов между Джунгарией и соседними территориями. Федор Трушников, в свою очередь, должен был провести разведку на территории Яркента, чтобы выяснить, насколько реальна возможность добычи местного золота.

В 1714 году, не ожидая возвращения разведчиков, М.П. Гагарин отправился в Москву с образцами золота, добытого у яркентских бухарцев, и прибыл в столицу весной того же года. Целью его поездки было убедить Петра I в необходимости экспедиции в Яркент, чтобы в дальнейшем можно было обеспечить финансирование войны со Швецией. М.П. Гагарин не считал нужным отправлять новые войска из Европейской России, поскольку полагал, что нужное количество солдат можно было набрать в Сибири без значительных финансовых затрат.

При встрече с Петром I М.П. Гагарин представил образцы золота, сообщив, что местные жители собирают его в больших количествах. Хивинский посол Ашур-бек, находившийся в это время у Петра I, также подтвердил информацию о золотодобывающих песках. После этого Пётр I поручил продолжить исследования и организовать экспедицию (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Жуковский, 1915: 46-47).

Находясь в Кронштадте, Пётр I подписал указ о подготовке экспедиции под руководством подполковника Ивана Дмитриевича Бухгольца. Экспедиция должна была изучить территорию Ямыш-озера и провести дальнейшие изыскания в поисках золота. В указе И. Бухгольцу предписывалось собрать 1500 солдат, построить крепость на Ямыш-озере и подготовить базу для последующего продвижения к «Эркету». Были также указания на необходимость организации редутов на реках и изучения местных методов добычи золота. Важной частью задачи было привлечение специалистов, включая людей, разбирающихся в минералах, а также инженеров и офицеров. Этот указ стал основой для создания прииртышских крепостей, строительство которых продолжалось с 1714 по 1720 год (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 2).

В августе 1714 года И. Д. Бухголец выехал из Москвы и 13 ноября прибыл в Тобольск, где началась подготовка к снаряжению отряда. Личный состав набирался в Томске, Тюмени и окрестных селениях, особое внимание уделялось артиллерийскому вооружению. В состав отряда были включены пленные шведские офицеры и русские торговцы, заинтересованные в освоении новых маршрутов на Восток.

Одновременно к Цеван-Рабтану были направлены представители сибирского губернатора – Василий Чередов и Тимофей Этигер с разъяснением, что экспедиция не представляет угрозы (Касымбаев, 1986: 20).

К середине 1715 года подготовка Эркетской экспедиции завершилась. Основную часть отряда составили служилые люди и добровольцы, ускоренно обученные военному делу. Регулярные войска не привлекались из-за нехватки пехотных частей в Сибири, где они были необходимы для охраны границ. В это время вернувшийся из Джунгарии Чередов сообщил, что Цеван-Рабтан отказался признавать южные земли вне джунгарских владений и демонстрировал враждебность, несмотря на войну с Китаем и набеги казахов из Семиречья. Губернатор М.П. Гагарин задержал джунгарских послов в Тобольске и не передал их письмо царю, тем самым лишив И. Бухгольца возможности скорректировать планы.

В июле 1715 года экспедиция, включавшая по данным Г. Катанаева 2162 солдата, 700 драгун и 70 мастеров, покинула Тобольск на 32 дощаниках и 24 лодках при сопровождении 12 торговых судов. Источники расходятся в численности экспедиции: по данным В.К. Андриевича в поход выступило 2717 драгун и солдат, 70 мастеров и 52 орудия (38 пушек и 14 мортир) (Андриевич, 1889: 298).

По версии Ж.К. Касымбаева общая численность отряда составляла 2797 человек (Касымбаев, 1986: 21).

При отправке И. Бухгольца присутствовали джунгарские посланцы, интересовавшиеся целью столь крупного предприятия. Им заявили, что экспедиция направлена на поиски рудных богатств в Алтае и Колбинском хребте. Аналогичные заверения были даны и самому хунтайджи в письме князя М.П. Гагарина. 1 сентября 1715 года отряд достиг Ямыш-озера, где началось строительство крепости, впоследствии названной Ямышевской (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 3). Руководил строительством пленный шведский артиллерийский поручик Я. Каландар.

О действиях джунгар не поступало известий, однако их посланцы, следовавшие за экспедицией, застали И. Бухгольца под Ямышевом в разгар крепостных работ. Видя в этом намерение русских укрепиться в регионе, они потребовали объяснений. И. Бухголец уверил их, что сооружения носят временный характер и предназначены для защиты от возможных нападений кочевников «до наступающих зимних холодов, а рвы копаются и земляные валы насыпают в предупреждении возможности за зиму неприятельских нападений на их отряд кочующих в окрестностях кочевников» (очевидно, имелись ввиду казахи – авт.) (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 3).

Несмотря на тщательную организацию, экспедиция столкнулась с проблемами. Отряд состоял из плохо обученных и ненадёжных людей, что привело к дезертирству. Суровые морозы, недостаток медицинской помощи и некачественное жильё вызвали массовые заболевания. Уже в декабре И. Бухголец сообщил о трудностях царю Петру через князя М.П. Гагарина, который отправил ему донесение вместе с образцами добытого золота. Ответ из Копенгагена, датированный 4 февраля 1716 года, подтверждал важность экспедиции даже в условиях войны со Швецией.

Для предотвращения осложнений с джунгарами М.П. Гагарин направил к хунтайджи новое посольство с мирными заверениями. В письме подчёркивалась мирная цель похода И. Бухгольца, а также предлагалась возможная поддержка джунгар в их борьбе с внешними врагами (Китай и казахи). Вскоре была организована новая экспедиция, включавшая специалистов разных областей, что должно было продемонстрировать не только военные, но и торгово–промышленные интересы России в регионе.

В состав новой команды вошли русско–бухарские торговцы из Тобольска, Тары и Томска, служилые люди с запасами продовольствия и военного снабжения для Ямышевского гарнизона, офицеры–специалисты, пленные шведы для горных работ, священники и комиссар с жалованием.

Тем временем джунгарский хунтайджи, узнав о русских укреплениях, направил десяти тысячное войско под командованием своего двоюродного брата Цэрэн–Дондоба, наместника Северо–Восточной Джунгарии. В феврале 1716 года джунгары неожиданно атаковали Ямышевскую крепость, но русские, укрывшись за постройками, отбили нападение ружейным и артиллерийским огнём. После неудачного штурма Цэрэн–Дондоб организовал блокаду крепости, что поставило отряд И. Бухгольца в критическое положение (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 4).

Попытки переговоров оказались безрезультатными. В письме от 21 февраля 1716 года Цэрэн–Дондоб требовал капитуляции, угрожая взять крепость голодом и силой. Бухголец, следуя указам, отказался отступать, заявив, что крепость возведена на землях, не принадлежащих Джунгарии. Однако затянувшаяся осада привела к нехватке продовольствия, росту болезней и смертности среди солдат, вероятно, из-за вспышки сибирской язвы (Касымбаев, 1986: 22).

К Ямышеву двигались посланцы И. Чередова и Т. Этигера, а также русский караван, не знавшие о военных событиях. Джунгары отправили отряд, который захватил посланцев и караван. Цэрэн–Дондоб, узнав о торговой миссии посланцев, разрешил им продолжить путь с охраной. Однако за 50 вёрст до Ямышева произошло столкновение по неизвестным причинам между караваном и джунгарами, в результате которого часть служилых людей погибла, оставшиеся попали в плен, а товары и запасы были разграблены (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 4). Вторично пленен был Иоган Густав Ренат, сержант шведской артиллерии, ранее взятый в плен русскими в Полтавском сражении. Он составил впоследствии известную в науке XVIII века карту Джунгарии и Восточного Туркестана (Макшеев, 1881: 30).

Осада крепости ухудшила положение русских: нехватка продовольствия, болезни, включая цингу и сибирскую язву, привели к высокой смертности. К апрелю из 3000 человек осталось не более 700–800. Возможности отправить сообщение в Тобольск не было, поэтому попытались воспользоваться ледоходом: двоих солдат спрятали в лодке на Иртыше, надеясь, что она доплывёт до русских поселений.

Понимая критичность ситуации, И. Бухголец начал переговоры с джунгарами о свободном отходе русских. Цэрэн–Дондоб, получивший приказ перебросить войска против китайцев и казахов, согласился. Он позволил русским отступить с оружием и частью припасов, после чего разрушил крепость и увёл войско в центр Джунгарии.

И. Бухголец с отрядом достиг устья Оми и, зная, что эта территория признаётся джунгарами, остановился. В мае он отправил донесение князю М.П. Гагарину с запросом о дальнейшем продвижении и разрешении на строительство крепости. М.П. Гагарин, учитывая стратегическую важность этого места, дал согласие и направил подкрепление. Строительство новой крепости под руководством инженера Я. Каландара началось ускоренными темпами (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 4).

20 мая 1716 года была основана Омская крепость, первоначально представлявшая собой временное фортификационное сооружение. В 1717 году на южном берегу реки Оми, в 50 верстах от Иртыша, началось строительство более крупной четырёхугольной крепости (Рисунок 1).

Рис. 1. План Омской крепости (Ласковский, 1866: 12)

В 1721 году возник вопрос о возможном переносе укрепления, в связи с чем инженер–капитан де Гранж разработал три варианта планировки, включая проект пятиугольной крепости (Апполова, 1976: 137). Однако фактическая дислокация и конфигурация Омской крепости остались неизменными, претерпев лишь значительное усиление оборонительных сооружений (ИАОО. Ф. 86, Д. 1а. Л. 14).

Согласно плану 1767 года (автор проекта – инженер Я. Зеленый), крепость была перенесена на правый берег (Муратова, 2013: 109) (Рисунок 2).

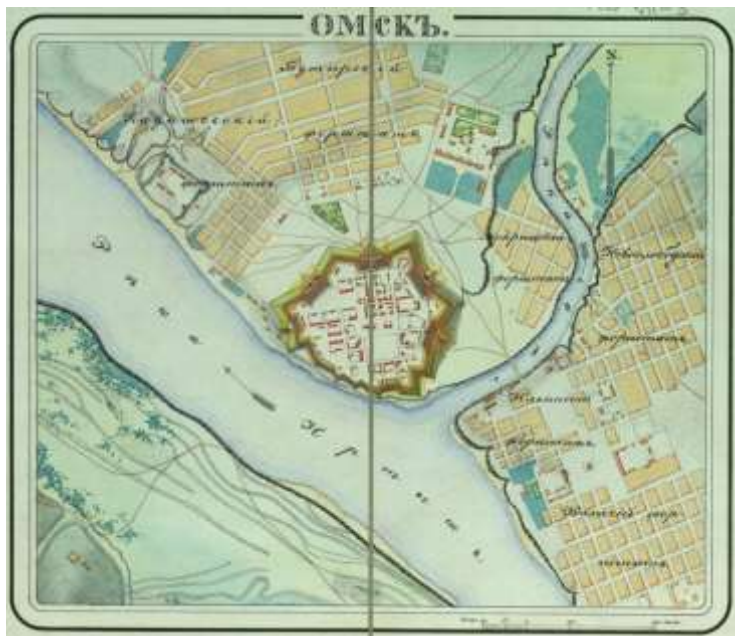

Рис. 2. План новой Омской крепости (Атлас крепостей..., 1837: 106)

В летний период 1716 года по распоряжению М.П. Гагарина к Ямышевскому озеру был направлен отряд под командованием полковника Сибирского драгунского полка Ф. Метигорова с задачей восстановить позиции, утраченные И. Бухгольцем. В результате укрепление было восстановлено и расширено, что способствовало дальнейшему продвижению русских войск по Иртышу (Рисунок 3).

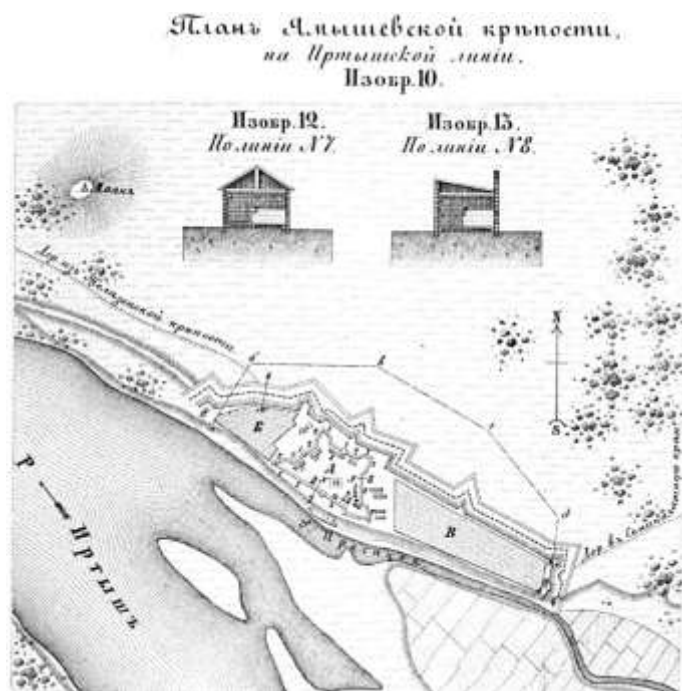

Рис. 3. План Ямышевской крепости (Ласковский, 1866: 12)

В 1733 году крепость подверглась ремонту, а для повышения её обороноспособности был сооружён бруствер, предназначенный для размещения регулярных войск. В пяти верстах от крепости был организован наблюдательный редут, обеспечивавший охрану соляного Ямышевского озера, к которому периодически устремлялись джунгарские отряды. В рапорте майора А. Зыбина от 18 июля 1734 года отмечалось проведение работ по обновлению палисадов и укреплений Омской слободы, где проживали служилые люди ([Апполова, 1976: 139-140](#)).

Вдохновлённые достигнутыми успехами, сибирские власти в 1717 году направили подполковника Прокофия Ступина с воинским отрядом и артиллерией для организации строительства крепостей вдоль Иртыша. В соответствии с предписанием М.П. Гагарина, П. Ступину было указано избегать конфликтов с джунгарами и при нападениях ограничиваться исключительно оборонительными действиями, разъясняя отсутствие враждебных намерений у русской стороны. В дальнейшем под руководством Павла Северского и Василия Чередова были организованы новые экспедиции, в результате которых в 1717 году была построена Железинская крепость ([Рисунок 4, 5](#)).

Рис. 4. Основание Железинской крепости ([Сибирский казак, 1932: 41](#))

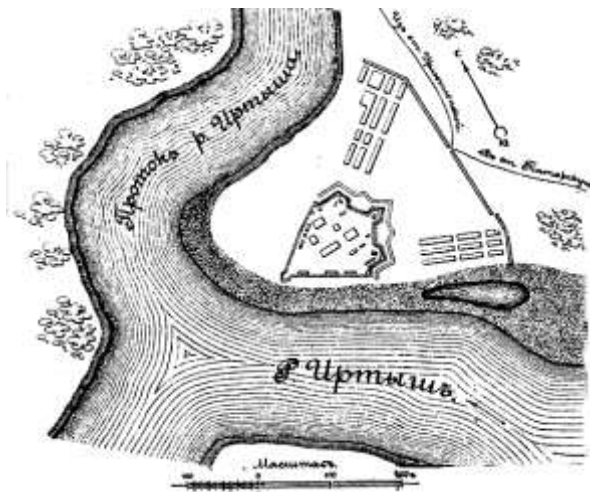

Рис. 5. План Железинской крепости ([Военная энциклопедия, 1911: 362](#))

Упомянутые в литературе крепости Колбасунская и Долонская, основанные в это же время, требуют некоторых уточнений. В частности, Ж. Касымбаев пишет об основании В. Чередовым в 1717 году Колбасунской крепости ([Касымбаев, 1986: 25](#)), и эта же информация дублируется в некоторых других казахстанских изданиях ([Акишев и др., 2008: 13](#)).

Основываясь на материалах капитана Ивана Унковского, направленного в 1722 году в ставку джунгарского правителя Цеван-Рабтана и посетившего по дороге место, где «был построен острожок, в котором зимовал Борис Чередов с тремястами служилыми людьми» ([История Казахстана, 2005: 320](#)), видно, что острог (опорный пункт) был заложен в 4-х верстах от развалин древнего «языческого

капища», известного под разными названиями – Каменные мечети, Кабал-Гасун, Калабалгасын и Калбасунская башня (Чулков, 1785: 459; Артыкбаев и др., 2002).

Очевидно, что Калбасунская башня не являлась фортификационным строением Б. Чередова и отношения к будущей военной линии не имела (Рисунок 6).

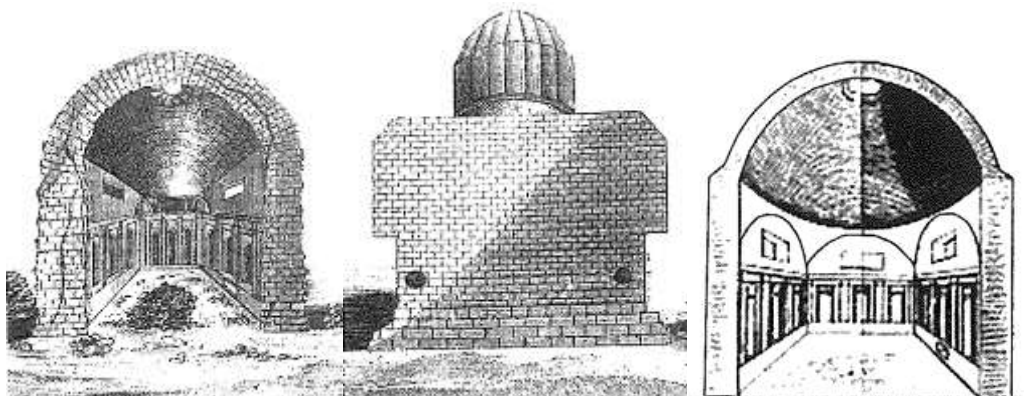

Рис. 6. Изображения Калбасунской башни по Г.Ф. Миллеру и Г. Спасскому (Смагулов, 2012: 17, 98)

Долонская крепость была основана в начале зимы 1718 года, когда капитан Иван Алексеев был направлен с припасами из Ямышевской крепости в Семипалатную, «но от рано наставшей зимы недалеко от устья речки Долонки, в Иртыш впадающей, взял его замороз». Приняв решение перезимовать, И. Алексеев основал небольшую крепость, названную Долонской. Укрепление просуществовало недолго и было срыто в 1722 году. О мотивах в источниках не указано, но Г. Миллер указывает на то, что она стала «яко излишняя» (Миллер, 2005: 494-495).

Ответ заключался в самом наз репятствие для передвижения кочевников. Чтобы не обострять отношений с джунгарами, оно было убрано.

В 1745 году в ходе усиления военной линии вдоль Иртыша были намечены места для форпостов, защит и маяков. По данным реестра, составленного Х. Киндерманом, в урочище Долон-Карагай планировалось поставить защиту, которая и была воздвигнута ориентировочно в 1746 году (Пространство..., 2013: 40-41).

По данным Ф. Ласковского позднее на этом месте появился форпост (точная дата не указана) (Ласковский, 1865: 141).

Это подтверждается и картой, указанной Ф. Ласковским в приложении «Карты, планы и чертежи к 3 части материалов для истории инженерного искусства в России» 1866 года (Рисунок 7).

Рис. 7. Фрагмент карты Иртышской линии с указанием форпоста Долонского (Ласковский, 1866: 12)

В дальнейшем, с потерей актуальности военной линии, форпост становится рядовой станицей (Рисунок 8). Как видим, данное укрепление никогда крепостью не было.

Рис. 8. Станица Долонская. Фрагмент карты 1871 года ([Почтовая карта..., 1871](#))

Продолжая движение, Б. Чередов определил место для возведения нового укрепления на правом берегу Иртыша, где в 1718 году была заложена Семипалатинская крепость ([Рисунок 9](#)).

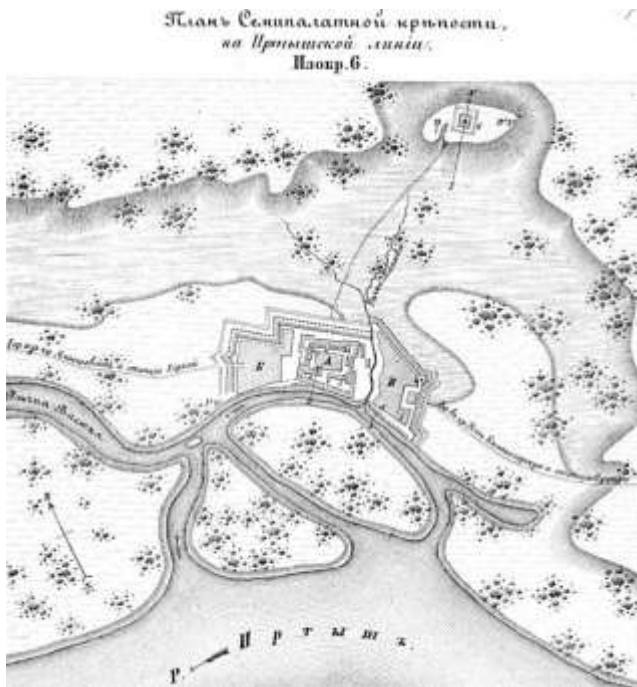

Рис. 9. План Семипалатинской крепости ([Ласковский, 1866: 12](#)).

В 1719 году по указу Петра I была организована экспедиция под командованием майора И.М. Лихарева для изучения озера Зайсан, проверки данных о золотоносных месторождениях и анализа причин неудачи предыдущей экспедиции И.Д. Бухгольца. Экспедиция должна была построить укрепление на побережье озера Зайсан и исследовать возможные гидрографические связи региона с Аральским морем.

После пополнения в Тобольске, отряд И.М. Лихарева направился по Иртышу к озеру, имея 34 судна, 440 рядовых и артиллерию. Отряд был укомплектован врачами, геодезистами и инженерными силами. Не найдя подходящего места для укреплений, экспедиция направилась к Чёрному Иртышу, где 8 августа 1719 года джунгарский военачальник Галдан-Цэрэн напал на отряд, но отступил после артобстрела.

В ходе переговоров Лихарев сообщил, что целью экспедиции были лишь исследования, и джунгарцы разрешили беспрепятственное возвращение. На обратном пути, в 1720 году, И.М. Лихарев заложил Усть-Каменогорскую крепость ([Рисунок 10](#)). Джунгарский правитель Цеван-Рабтан согласился на геологоразведочные работы при сохранении ясашной системы сбора податей и возвращении беглых калмыков. Из-за болезни И.М. Лихарев передал строительство крепости капитану Летранжу, который учёл угрозу разрушения от размыва и расположил крепость вдали от реки. Позже для обороны крепости был переведён драгунский полк ([Касымбаев, 1986: 26-28](#)).

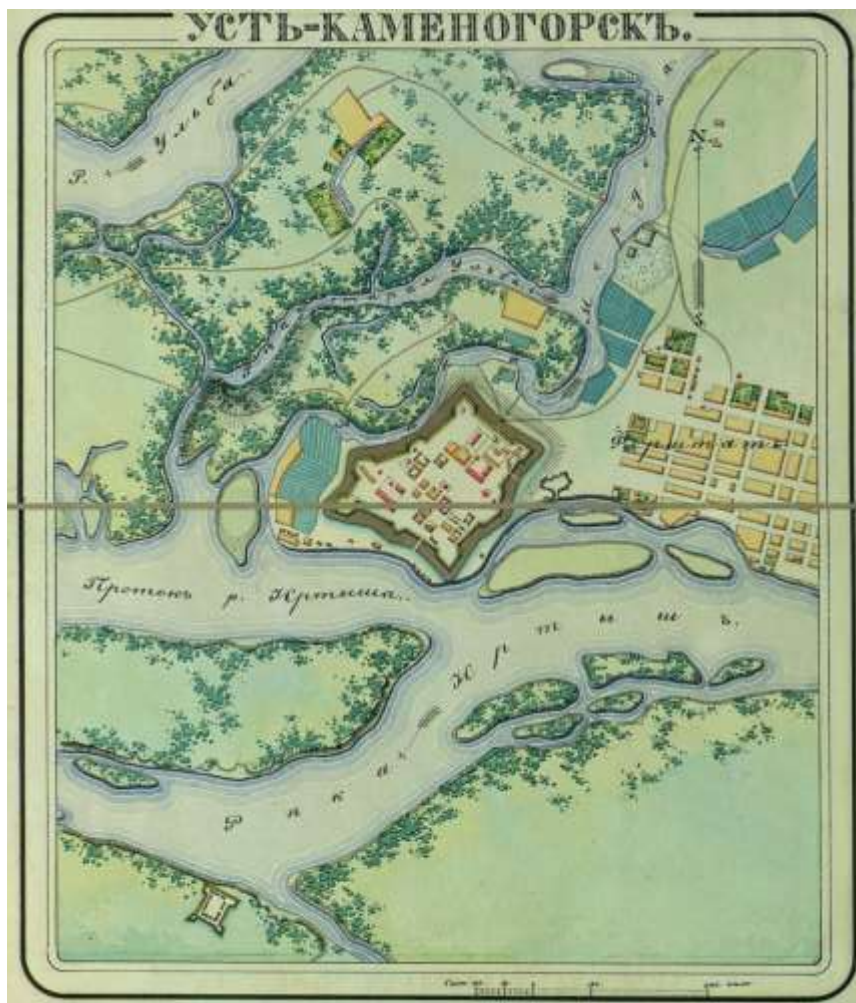

Рис. 10. Усть-Каменогорская крепость ([Атлас крепостей..., 1837: 110](#))

По поводу времени основания Усть-Каменогорской крепости существует и альтернативная версия. Так, в «Географическо-статистическом словаре Российской империи», составленном П. Семеновым, указана дата основания – 1719 год ([Географическо-статистический..., 1885: 371](#)). Эту же дату можно встретить у некоторых современных исследователей – С. Муратовой ([Муратова, 2007: 16](#)), Г. Ксенжик ([Ксенжик, 2013: 89](#)) и других. Однако, согласно архивным материалам, в частности, донесению в Сенат самого И.М. Лихарева, видно, что крепость была основана в августе 1720 года ([РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 373. Л. 461об.](#))

Строительством крепостей закладывается основа Иртышской военной линии и таким образом завершается первый этап продвижения Российской империи в северо-восточные пределы Казахского ханства. Этот этап характеризовался стремлением России реализовать торговые возможности, включить азиатские территории в сферу влияния и попутно обеспечить безопасность перспективных путей посредством строительства военных укреплений.

Продвижение по Иртышу проходило в сложной военно-политической обстановке, сложившейся в Среднем жузе. С одной стороны продолжалось противостояние между Казахским ханством и Джунгарией, с другой стороны, казахи и джунгары вынуждены были как-то реагировать на продвижение русских в Прииртышье.

В начале 1720-х годов казахи во многих местах переходили на правый берег Иртыша в районе Железинской крепости, угоняли скот, захватывали пленных. В 1728–1741 годах осуществлена серия набегов на территорию Тарского уезда. Весной 1731 года у Омска происходит сражение казахов с воинским гарнизоном. В ноябре 1734 года казахи совершили набеги в Барабинскую степь, захватили пленных, скот у местных татар. Осенью 1740 года происходит военное столкновение казахов с казаками под Тарой и в этом же году казахи вторгаются на правобережье Оми, убив барабинского князя Якуту ([Захаренко и др., 2003: 58](#)).

В архивных материалах зафиксированы многочисленные военные столкновения между казаками и русскими отрядами 6 июля 1742 года, 14 июля 1742 года, 23 июля 1743 года, 17 августа 1743 года, 15 апреля 1744 года и т. д. ([ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-8об.](#)).

В то же время джунгары, разорив в 1723–1725 годах Старший жуз (Юг Казахстана), получили возможность провести несколько походов из Прииртышья против Среднего жуза. В 1732 году из района озера Зайсан вторглись джунгарские войска Уса–Церена. Казахское войско в 1733 году сумело нанести поражение джунгарам в долине между рекой Оленты и горами Ерейментау. Зимой 1739–1740 годов движущиеся с востока джунгары перешли Иртыш, по пути забрав всё сено из казахских запасов на пространстве от Железинской до Омской крепостей.

В 1740 году последовало новое вторжение 20-тысячного войска джунгарского нойона Септеня. В 1741 году развёртываются сражения на территории Среднего жуза, в том числе на берегах Иртыша. Разрозненные силы казахов в некоторых сражениях потерпели неудачу (Захаренко и др., 2003: 57).

Все перечисленные обстоятельства побудили губернатора Сибири, после обсуждений с начальником Оренбургской комиссии в Шадринске, представить в Правительствующий Сенат предложение о необходимости создания формальной линии укреплений вдоль Иртыша путём возведения новых укреплённых пунктов между уже существующими крепостями.

Правительствующий Сенат, признав целесообразность этого проекта, указом от 29 июня 1743 года предписал провести предварительное исследование местности вдоль течения Иртыша, составить карту и детальное описание территории.

В 1745 году генерал-майор Х. Киндерман, руководствуясь проведённым обследованием, представил проект линии, согласно которому между существующими крепостями предполагалось разместить крупные форпосты с интервалом в 60 вёрст, а между ними – малые форпосты на расстоянии 20 вёрст. Кроме того, планировалось организовать ежедневные разъезды между форпостами для контроля территории. Не дожидаясь официального одобрения Сената, Х. Киндерман приступил к строительству этих опорных пунктов. В ответ на его донесение Сенат 13 ноября 1745 года постановил: «назначенные между Иртышскими крепостями строением форпосты и маяки до предбудущаго о том указу обождают, а между тем в которых местах, по рассмотрению его генерал-майора, для опасности от Зюнгорцев надлежит учинить какия укрепления, то оныя строить малыя, а не к прочности, но чтобы они к одному тогдашнему времени служить могли» (Ласковский, 1865: 141–142).

Из донесения генерал-майора Киндермана от 18 декабря 1745 года следует, что он лично обследовал местность, предназначенную для новой линии, от крепости Железинской до крепости Усть-Каменогорской, а также от последней до Колыванских заводов. В результате были приняты решения об исправлении существующих и возведении новых укреплённых пунктов, включавшие следующие меры:

- На одной из господствующих высот у крепости Семипалатинской была размещена батарея;
- Во всех крепостях было предписано строительство лазаретов, жилых домов, продовольственных складов и казарм;
- Между пятью крепостями, расположенными вверх по Иртышу, к уже существующим семи форпостам планировалось добавить 24 почтовые станции, расстояние между которыми должно было составлять 25–30 вёрст в зависимости от наличия лесных и сенокосных угодий;
- Аналогичные почтовые станции должны были быть возведены от Шульбинского завода на Иртыше до реки Алей и Змеевского рудника.

В 1746 году был представлен детальный план течения реки Иртыш на участке между Омской и Усть-Каменогорской крепостями. К этому документу было приложено общее заключение сибирского губернатора А.М. Сухарева и генерал-майора Х. Киндермана относительно обустройства Иртышской линии, в котором указывалось: «для лучшего очищения границы и пересечения через р. Иртыш киргиз–кайсацких набегов, за дальним разстоянием крепостей и форпостов между собою, в прибавок вместо линий, вновь редуты и маяки учредить».

На основании изложенных данных можно заключить, что строительство Иртышской линии, согласно утверждённому Сенатом плану, началось не ранее 1747 года. В конце рассматриваемого периода укреплённая линия включала: 5 крепостей, 15 редутов, 8 форпостов, 1 заставу, 1 защитный пункт, 2 наблюдательные избы и укреплённый Шульбинский завод (Рисунок 11) (Ласковский, 1865: 142–143).

На этом завершается второй этап, заключавшийся в значительном усилении Иртышской линии и постепенному превращению Иртыша в естественный рубеж и препятствие для передвижений кочевников.

С середины XVIII века геополитическая ситуация в рассматриваемом регионе начинает меняться. Китай начинает давление на Джунгарию, а казахские родоправители начинают активное возвращение на правобережье Иртыша.

В 1753–1757 годах султан Среднего жуза Абылай оказывает помощь джунгарским найонам Давци и Амурсане в борьбе с хунтайджи ламой Доржи, ослабляет основного врага казахов, изгоняет джунгарские войска, преследуя их за пределами Казахского ханства.

В 1754–1755 годах казахи, переправившись через Иртыш между Ямышевской и Семипалатинской крепостями, захватывали имущество, вступали в бои с царскими войсками, отказывались возвратиться на левобережье. В 1755 году казахи вышли к Иртышу во многих местах, совершали нападения, а у Коряковского форпоста произошла ружейная перестрелка. В 1757 году

данном участке Иртыша запрещено было находиться не только казахам, но и русским крестьянам и казакам (ИАОО. Ф. 67. Оп. 1, Д. 3. Л. 533-534).

Данная мера не смогла снизить напряжённость на новой границе, поэтому вопрос решался уже дипломатическими мерами.

К этому времени обстановка во второй половине XVIII века в Среднем Прииртышье сложилась следующим образом. На нет была сведена угроза джунгарских вторжений. Случаев нападений и угроз на крепости со стороны казахов Среднего жуза уже почти не было. Несанкционированные переходы стали реже, поскольку военных сил для выдворения казахов с правого берега Иртыша было предостаточно. Учитывая, что многие родоправители Среднего жуза, включая влиятельного Абылая, приняли российское подданство, командующий на Сибирских пограничных линиях генерал-майор С. Станиславский ходатайствовал о допуске казахов на внутреннюю сторону во время зимних кочёвок, на что Государственная коллегия иностранных дел от 16 июня 1771 года предписала С. Станиславскому: «Киргизам (казахам) из-за реки Иртыша с конскими табунами на российскую сторону переходить позволить» (Крафт, 1898: 45-46).

Армейские части, размещённые на Иртышской линии в XVIII веке, были выведены из региона в 1807 году в связи с военными кампаниями Наполеона в Европе. Их место заняли гарнизонные команды, включавшие линейные батальоны и инвалидные роты. В этот период укрепления утратили деревянные надолбы, а их фортификационные сооружения стали возводиться по принципу бастионной системы, разработанной французским военным инженером С. Вобаном (1633–1707). Вооружение гарнизонов состояло преимущественно из устаревших фальконетов и пицалей (Инсебаев, 2000: 139).

5. Заключение

Таким образом, стратегия расширения Российской империи на востоке проходила в сложных условиях и менялась в зависимости от политических условий в регионе. Изначально покорение Сибири открыло возможности для дальнейшего продвижения в азиатские страны, о которых имелось весьма смутное представление. Но торговые цели довольно быстро сменились колонизационными. Продвижение в Северо-Восточный Казахстан совпало с тяжелейшей казахско-джунгарской войной, когда казахи, не выдержав напора, вынуждены были покинуть территорию Прииртышья, а земли объявлялись землями Джунгарского ханства. Противостояние кочевников позволило империи использовать удобный момент для строительства военных укреплений по Иртышу и проведения экспедиций, выдавая их за торговые, дипломатические или геологические. Закреплению в Среднем жузе способствовало падение Джунгарии и принятие российского подданства некоторой частью казахов. Однако сам характер российской политики претерпел изменения: от агрессивной военной экспансии к созданию административных структур и постепенной интеграции Казахстана в общую систему империи. Иртышская военная линия стала частью этого процесса, определив вектор развития отношений России и казахских земель на долгие десятилетия вперёд.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Структуры управления казахами Западной Сибири: конец XVIII в. – XIX в.» (AP23489137).

Литература

- Абылхожин и др., 1998 – Абылхожин Ж.Б., Бурханов К.Н., Кадырбаев А.Ш., Султанов Т.И. Страна в сердце Евразии. Алматы, 1998. 279 с.
- Акишев и др., 2008 – Акишев А.А. Инсебаев Т.А., Азербайев А.Д., Дауенов Е.Н., Сметова А.Т. Очерки колонизации Павлодарского Прииртышья царской Россией. Павлодар: Издательство «Кереку», 2008. 200 с.
- Андреевич, 1889 – Андреевич В.К. История Сибири. Период с 1660 г. до воцарения императрицы Елизаветы Петровны. Ч. 2. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. 500 с.
- Аполлова, 1976 – Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце 17–первой половине 19 века. М., 1976. 370 с.
- Артыкбаев, 2002 – Артыкбаев Ж.О., Ерманов А.Ж., Жанисов А.Т. Калабалгасын – уникальный памятник старины Павлодарского Прииртышья. Астана, 2002. 34 с.
- Атлас крепостей..., 1837 – Атлас крепостей Российской империи. Карты. СПб., 1837. 120 с.
- Военная энциклопедия, 1913 – Военная энциклопедия. Т. 10. / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.: Товарищество И.Д. Сытина, 1913. 375 с.
- Гагемейстер, 1854 – Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1–3. 359 с.
- ОГАОО – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Географическо-статистический..., 1885 – Географическо-статистический словарь Российской империи. Составил по поручению императорского русского географического общества

- действительный член общества П. Семенов, при содействии члена сотрудника В. Зверинского. Т. V. СПб., 1885. 1000 с.
- Жуковский, 1915** – Жуковский С.В. Сношения России с Хивой и Бухарой за последнее трехсотлетие // *Труды Общества Русских Ориенталистов*. Пг., 1915. № 2. 214 с.
- Захаренко и др., 2003** – Захаренко А.Л., Косаяков Б.К., Мерц В.К. История Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2003. 133 с.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области.
- Инсебаев, 2000** – Инсебаев Т.А. Очерки истории Павлодарского Прииртышья. Ч. 1. Павлодар, 2000. 240 с.
- История Казахстана, 2005** – История Казахстана в русских источниках XVI–XX: Т. II. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. О народах Казахстана / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 448 с.
- Касымбаев, 1986** – Касымбаев Ж.К. Под надежную защиту России. Алма-ата, 1986. 136 с.
- Катанаев, 1904** – Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. 202 с.
- Копылов и др., 1961** – Копылов Д., Прибыльский Ю.П. Тобольску – 375 лет. Тобольск, 1961. 223 с.
- Крафт, 1898** – Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. 897с.
- Ксенжик, 2013** – Ксенжик Г.Н. Развитие Иртышской укрепленной линии // *Мысль*. 2013. № 2. С. 86-91.
- Ласковский, 1865** – Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1865. 1016 с.
- Ласковский, 1866** – Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к 3 части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. 74 с.
- Максаков, 1890** – Максаков А. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. СПб., 1890. 376 с.
- Макшеев, 1881** – Макшеев А. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. 39 с.
- Миллер, 1750** – Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала и особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Кн. 1. СПб., 1750. 510 с.
- Миллер, 1760** – Миллер Г.Ф. Известие о песочном золоте в Бухарии, (о чиненных для оного отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская). СПб., 1760. 136 с.
- Миллер, 2005** – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. 598 с.
- Муратова, 2007** – Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века. Уфа, 2007. 50 с.
- Муратова, 2013** – Муратова С.Р. Географическое описание Иртышской линии // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 373. С. 108-114.
- Потанин, 1884** – Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // *Живописная Россия*. СПб.: М., 1884. Т. 11. С. 31-48.
- Почтовая карта..., 1837** – Почтовая карта Азиатской России, Сибири, изданная почтовым департаментом. СПб.: Картографическое заведение А. Ильина, 1871.
- Преображенский, 1972** – Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVII века. М.: Наука, 1972. 392 с.
- Пространство..., 2013** – Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина) / Сост. Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Издательство Томского университета, 2013. 314 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Россия, 1903** – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 18. Киргизский край / Под ред. В.П. Семенова. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1903. 469 с.
- Сибирский казак, 1934** – Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582–1932 г. Выпуск 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года / Под ред. Е.П. Березовского. Харбин, 1934. 390 с.
- Смагулов, 2012** – Смагулов Т.Н. Калбасунская башня. Алматы, 2012. 160 с.
- Тарле, 1994** – Тарле Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. СПб.: Фирма «Браск», Морской исторический сборник, 1994. 192 с.
- Усов, 1879** – Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. 284 с.
- Чулков, 1785** – Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой, сочиненное М. Чулковым: Т. 3. Кн. 1. М., 1785. 739 с.

Kabuldinov, Toraygyrov, 2024 – *Kabuldinov, Z.E., Toraygyrov, E.M.* (2024). The supply of flour and bread by Russia to the Kazakh steppe and the development of agriculture during the reign of Sultan Abulai of the Middle Zhuz // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 553-653.

References

- Abylkhozhin et al., 1998** – *Abylkhozhin, Zh.B., Burkhanov, K.N., Kadyrbaev, A.Sh., Sultanov, T.I.* (1998). Strana v serdtse Evrazii [The country in the heart of Eurasia]. Almaty, 279 p. [in Russian]
- Akishev i dr., 2008** – *Akishev, A.A., Insebaev, T.A., Azerbaev, A.D., Dauenov, E.N., Smetova, A.T.* (2008). Ocherki kolonizatsii Pavlodarskogo Priirtysh'ya carskoj Rossiej [Essays on the colonization of Pavlodar Priirtyshye by Tsarist Russia]. Pavlodar: Kereku, 200 p. [in Russian]
- Andrievich, 1889** – *Andrievich, V.K.* (1889). Istoriya Sibiri. Period s 1660 g. do vocareniya imperatricy Elizavety Petrovny. Ch. 2 [History of Siberia. The period from 1660 to the accession of Empress Elizabeth Petrovna. Part 2]. SPb.: Tipografiya V.V. Komarova, 500 p. [in Russian]
- Apollova, 1976** – *Apollova, N.G.* (1976). Khozyajstvennoe osvoenie Priirtysh'ya v konce 17–pervoj polovine 19 veka [Economic development of Priirtyshye in the late 17th – first half of the 19th centuries]. Moscow, 370 p. [in Russian]
- Artykbaev, 2002** – *Artykbaev, Zh.O., Ermanov, A.Zh., Zhanisov, A.T.* (2002). Kalabalgasyn – unikal'nyj pamyatnik stariny Pavlodarskogo Priirtysh'ya [Kalabalgasyn – a unique monument of antiquity in Pavlodar Priirtyshye]. Astana, 34 p. [in Russian]
- Atlas krepostej..., 1837** – Atlas krepostej Rossijskoj imperii. Karty [Atlas of fortresses of the Russian Empire. Maps]. SPb., 120 p. [in Russian]
- Chulkov, 1785** – *Chulkov, M.* (1785). Istoricheskoe opisanie Rossijskoj kommersii pri vsekh portakh i granitsakh ot drevnikh vremen do nastoyashchego i vsekh preimushchestvennykh uzakonenii po onoi gosudarya imperatora Petra Velikago i nyne blagopoluchno tsarstvuyushchei gosudaryni imperatritsy Ekateriny Velikiya, sochinennoe M. Chulkovym [Historical description of Russian commerce at all ports and borders from ancient times to the present and all the preferential laws on it of the sovereign emperor Peter the Great and the now successfully reigning sovereign empress Catherine the Great, composed by M. Chulkov]: T. 3. Kn. 1. M., 739 p. [in Russian]
- Gagemeister, 1854** – *Gagemeister, Yu.A.* (1854). Statisticheskoe obozrenie Sibiri [Statistical review of Siberia]. SPb., Ch. 1–3. 359 p. [in Russian]
- Geograficheskostatisticheskij slovar'..., 1885** – Geograficheskostatisticheskij slovar' Rossijskoj imperii [Geographical and statistical dictionary of the Russian Empire]. Compiled by P. Semenov with the assistance of V. Zverinsky. Vol. V. SPb., 1000 p. [in Russian]
- IAOO** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical archive of Omsk region].
- Insebaev, 2000** – *Insebaev, T.A.* (2000). Ocherki istorii Pavlodarskogo Priirtysh'ya. Ch. 1 [Essays on the history of Pavlodar Priirtyshye. Part 1]. Pavlodar, 240 p. [in Russian]
- Istoriya Kazakhstana..., 2005** – Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv.: T. II. Russkie letopisi i oficial'nye materialy XVI – pervoj treti XVIII v. O narodakh Kazakhstana [History of Kazakhstan in Russian sources XVI–XX centuries: Vol. II. Russian chronicles and official materials of the 16th – first third of the 18th century on the peoples of Kazakhstan] / Sost. I.V. Erofeeva. Almaty: Daik-Press, 448 p. [in Russian]
- Kabuldinov, Toraygyrov, 2024** – *Kabuldinov, Z.E., Toraygyrov, E.M.* (2024). The supply of flour and bread by Russia to the Kazakh steppe and the development of agriculture during the reign of Sultan Abulai of the Middle Zhuz. *Bylye Gody*. 19(2): 553-653.
- Kasymbaev, 1986** – *Kasymbaev, Zh.K.* (1986). Pod nadezhnuyu zashchitu Rossii [Under the reliable protection of Russia]. Alma-Ata, 136 p. [in Russian]
- Katanaev, 1904** – *Katanaev, G.E.* (1904). Kirgizskij vopros v Sibirskom kazachem vojske [The Kyrgyz question in the Siberian Cossack army]. Omsk, 202 p. [in Russian]
- Kopylov i dr., 1961** – *Kopylov, D., Pribyl'skij, Yu.P.* (1961). Tobol'sku – 375 let [375 years of Tobolsk]. Tobolsk, 223 p. [in Russian]
- Kraft, 1898** – *Kraft, I.I.* (1898). Sbornik uzakonenij o kirgizakh stepnykh oblastej [Collection of laws on the Kyrgyz of the steppe regions]. Orenburg, 897 p. [in Russian]
- Ksenzhik, 2013** – *Ksenzhik, G.N.* (2013). Razvitie Irtyshskoj ukrepljionnoj linii [Development of the Irtysh fortified line]. *Mysl'*. 2: 86-91. [in Russian]
- Laskovsky, 1865** – *Laskovsky, F.F.* (1865). Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Ch. 3 [Materials for the history of engineering art in Russia. Part 3]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1016 p. [in Russian]
- Laskovsky, 1866** – *Laskovsky, F.F.* (1866). Karty, plany i chertezhi k 3 chasti materialov dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii [Maps, plans, and drawings for Part 3 of materials on the history of engineering art in Russia]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 74 p. [in Russian]
- Maksakov, 1890** – *Maksakov, A.* (1890). Istoricheskii obzor Turkestana i nastupatel'nogo dvizheniya na nego russkikh [Historical overview of Turkestan and the Russian offensive against it]. SPb., 376 p. [in Russian]

- Maksheev, 1881** – *Maksheev, A.* (1881). Karta Dzhungarii, sostavlenaya shvedom Renatom vo vremya ego plena u kalmykov s 1716 po 1733 god [Map of Dzungaria, compiled by the Swede Renat during his captivity among the Kalmyks from 1716 to 1733]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 39 p. [in Russian]
- Miller, 1750** – *Miller, G.F.* (1750). Opisaniye Sibirskogo tsarstva i vseh proisshedsikh v nem del ot nachala i osoblivo ot pokoreniya ego Rossiiskoi derzhavoi po sii vremena [Description of the Siberian kingdom and all the events that took place in it from the beginning and especially from its conquest by the Russian state to the present time]. Kn. 1. SPb., 510 p. [in Russian]
- Miller, 1760** – *Miller, G.F.* (1760). Izvestie o pesochnom zolote v Bukharii, (o chinennykh dlya onogo otpravleniyakh, i o stroenii kreposti pri reke Irtyshe, kotorym imena: Omskaya, Zhelezenskaya, Yamyshevskaya, Semipalatnaya i Ust'-kamenogorskaya) [News about sand gold in Bukhara (about the shipments made for it, and about the construction of fortresses on the Irtysh River, whose names are: Omsk, Zheleznenskaya, Yamyshevskaya, Semipalatnaya and Ust'-Kamenogorsk)]. SPb., 136 p. [in Russian]
- Miller, 2005** – *Miller, G.F.* (2005). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. T. 3. M.: Vostochnaya literatura, 598 p. [in Russian]
- Muratova, 2007** – *Muratova, S.R.* (2007). Sibirskie ukreplennye linii XVIII veka [Siberian fortified lines of the 18th century]. Ufa, 50 p. [in Russian]
- Muratova, 2013** – *Muratova, S.R.* (2013). Geograficheskoe opisanie Irtyshskoi linii [Geographical description of the Irtysh line]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 373: 108-114. [in Russian]
- OGA00** – Ob"edinennyi gosudarstvennyj arkhiv Orenburgskoj oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].
- Pochtovaya karta..., 1837** – Pochtovaya karta Aziatskoi Rossii, Sibiri, izdannaya pochtoym departamentom [Postal map of Asian Russia, Siberia, published by the postal department]. SPb.: Kartograficheskoe zavedenie A. Il'ina, 1871. [in Russian]
- Potanin, 1884** – *Potanin, G.N.* (1884). Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri [Conquest and colonization of Siberia]. *Zhivopisnaya Rossiya*. SPb.: M. 11: 31-48. [in Russian]
- Preobrazhenskii, 1972** – *Preobrazhenskii, A.A.* (1972). Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVII veka [The Urals and Western Siberia at the end of the 16th – beginning of the 17th centuries]. M.: Nauka, 392 p. [in Russian]
- Prostranstvo..., 2013** – Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoi retrospektive XVIII v. (po dokumental'nym publikatsiyam G.N. Potanina) [The space of Northern Kazakhstan and Siberia in historical retrospect of the 18th century (based on documentary publications by G.N. Potanin)]. Sost. N.M. Dmitrienko, T.V. Rodionova; nauch. red. E.I. Chernyak. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2013. 314 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Rossiya, 1903** – Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva [Russia. Complete geographical description of our fatherland]. T. 18. Kirgizskii krai. Pod red. V.P. Semenova. SPb.: Izdanie A.F. Devriena, 1903. 469 p. [in Russian]
- Sibirskii kazak, 1934** – Sibirskii kazak. Voiskovoi yubileinyi sbornik Sibirskogo kazach'ego voiska. 1582–1932 g. Vypusk 1. Nashe proshloe do Velikoi voiny 1914 goda [Siberian Cossack. Military jubilee collection of the Siberian Cossack army. 1582–1932]. Pod red. E.P. Berezovskogo. Kharbin, 1934. 390 p. [in Russian]
- Smagulov, 2012** – *Smagulov, T.N.* (2012). Kalbasunskaya bashnya [Kalbasunskaya tower]. Almaty, 160 p. [in Russian]
- Tarle, 1994** – *Tarle, E.V.* (1994). Russkii flot i vneshnyaya politika Petra I [The Russian fleet and the foreign policy of Peter I]. SPb.: Firma «Brask», Morskoi istoricheskii sbornik, 192 p. [in Russian]
- Usov, 1879** – *Usov, F.N.* (1879). Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voiska [Statistical description of the Siberian Cossack army.]. SPb., 284 p. [in Russian]
- Voyennaya entsiklopediya, 1913** – *Voyennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. T. 10. Pod red. V.F. Novickogo i dr. SPb.: Tovarishchestvo I.D. Sytina, 375 p. [in Russian]
- Zakharenko i dr., 2003** – *Zakharenko, A.L., Kosayakov, B.K., Merts, V.K.* (2003). Istoriya Pavlodarskogo Priirtysh'ya [History of Pavlodar Priirtyshye]. Pavlodar, 133 p. [in Russian]
- Zhukovsky, 1915** – *Zhukovsky, S.V.* (1915). Snosheniya Rossii s Khivoj i Bukharoj za poslednee trekhsoletie [Russia's relations with Khiva and Bukhara over the last three centuries]. Trudy Obshchestva Russkikh Orientalistov. Petrograd. № 2. 214 p. [in Russian]

Стратегия расширения Российской империи на примере Иртышской военной линии

Ержан Муратович Торайгыров ^a, Бибигуль Сеиловна Абенова ^{a, *}, Даулет Кусайнович Абенов ^b

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена всестороннему анализу стратегии территориального расширения Российской империи в XVIII веке на примере формирования Иртышской военной линии. Создание этой оборонительной системы происходило в условиях сложной геополитической обстановки, включавшей противостояние с Джунгарским ханством, развитие торговых связей со странами Средней Азии и постепенное включение казахских степей в орбиту российского влияния. В центре внимания находятся предпосылки строительства линии, её ключевые этапы, а также стратегическое значение для укрепления имперского присутствия в регионе Прииртышья.

Особое внимание уделено военной и административной политике России в приграничных зонах, практике возведения фортификационных сооружений и специфике взаимодействия между казахскими родами и казачьими общинами, чья роль в колониальном процессе была сложной и противоречивой. Рассматривается, каким образом система укрепленных линий способствовала продвижению российских границ, закреплению имперской власти и трансформации местного пространства.

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления стратегических и долгосрочных последствий российского расширения на территорию Северо-Восточного Казахстана. Несмотря на наличие большого числа работ по военной истории региона, история Иртышской военной линии остаётся недостаточно изученной. Анализ данного феномена позволяет глубже понять особенности российской колониальной политики XVIII века и её влияние на развитие региона в последующие эпохи.

Работа основана на широком круте источников, включая архивные материалы, а также труды российских и казахстанских исследователей. Такой подход обеспечивает комплексное рассмотрение темы и позволяет по-новому оценить значение Иртышской линии в контексте пограничной политики.

Ключевые слова: сибирские линии, иртышская линия, казачество, Прииртышье, Средний жуз, казахско-русские отношения, колонизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: toranet2013@gmail.com (Е.М. Торайгыров),
bibigul_aben@mail.ru (Б.С. Абенова), aben_60@mail.ru (Д.К. Абенов)